

НА СВОЙ СТРАХ И РИСК

Из опыта работы московской
учительницы Лидии Филякиной

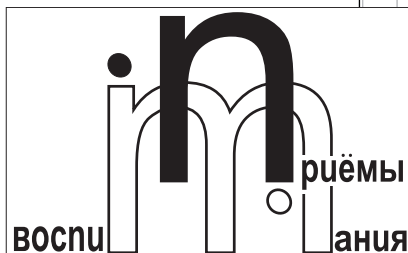
История 1. «Что такое матерщина»

Как только я впервые ловила среди своих учеников матерное слово (а это обычно бывало классе в третьем–четвёртом), я пользовалась случаем и объясняла им, откуда пришли матерные слова и что они означают.

Я рассказывала, что во время татаро-монгольского нашествия девочек забирали в рабство, а мальчиков – в воины. Татары их растили как своих сыновей и учили ненавидеть своих настоящих родителей. Делалось это через осквернение самого акта деторождения. Вот откуда взялись эти слова. Этими словами оскорбляли самое священное для славян – материнство. Матерщина – это оскорбление матери. У нас, славян, недавних язычников, наоборот, оплодотворение являлось священным: оплодотворение земли, оплодотворение скота и т. д. У нас этих слов появиться не могло...

Попутно я рассказывала о манкуртах из романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Манкурты – это отобранные от матерей и воспитанные в рабстве дети. Им перетягивали обручем голову и вшивали в пятки свиную щетину. Они становились звероподобными – идеальными роботами-убийцами, не помнящими родства. Они потом шли и убивали своих настоящих родителей...

Я рассказывала об этом совершенно спокойно и по-деловому. Как об очередной учебной теме. Обычно это срабатывало. Будучи легализованными как предмет для обсуждения, ма-

Записала

МАРИЯ ГАНЬКИНА

**Доказано: будучи
легализованными как предмет
для обсуждения, матерные
слова в глазах учеников
теряют ореол таинственности.
А потому использовать их
становится неинтересно.**

терные слова в глазах моих учеников теряли ореол таинственности. А потому использовать их становилось неинтересно.

Нет, отдельные упорные товарищи, конечно, были, но как-то не имели успеха.

История 2. «Эхолалия»

В моём пятом классе как-то появился мальчик-аутист. Директор – а это был Александр Наумович Тубельский – прекрасно знал, что такое аутизм, и тем не менее разрешил мне взять Рому в класс.

С Ромой никто дружить не хочет. И тут Лёня подговаривает его выпрыгнуть на уроке из-под стола и сказать определённое матерное слово: «Если громко скажешь, я с тобой дружить буду».

Рома – мальчик домашний, он не знает, что это за слово, оно для него просто новое. Он его повторяет в уме, ему надо его сказать...

И вот на уроке он залезает под парту (он сидел на первой), пролезает под мой стол, выпрыгивает прямо у меня перед носом и говорит: «Лидия Константиновна, вы – ...». И он произносит это слово.

Я говорю: «Всё сказал?» – и продолжаю урок как ни в чём не бывало.

Рома: «Вы что, не слышите? Это я вам говорю! Вы – ...» – и опять произносит заветное слово. Никакого эффекта. Но Лёня не сдаётся, он упорный товарищ. Он говорит Роме: «А ты ещё раз скажи!»

Вторым номером была учительница русского языка. Когда Рома опять выскочил из-под стола со своим словом, она сказала: «Я таких слов не знаю, но они мне не нравятся. Если хочешь их говорить, посиди в коридорчике, там поговори. Потом зайдёшь». Рома сказал: «Нет, я тут хочу». Ну, и всё на этот раз. Эх, опять не вышло. Ну что ты будешь делать?!

На третий урок пришла учительница английского языка впервые давать урок в этом классе. И когда Рома снова выпрыгнул из-под стола с этим словом, учительница тут же выбежала из класса. Лёня был очень доволен: наконец что-то случилось!

Англичанка пошла к директору и рассказывает:

– Я вошла в класс, а он...

– Кто вам сказал это слово? – говорит Александр Наумович. – Рома? У него эхолалия: он как новое слово где-то услышит – и повторяет, повторяет. К вам это не имеет никакого отношения. Не волнуйтесь, он забудет скоро.

И вся история.

Вот такие бывают директора.

История 3.

«В тяжёлую годину»

Однажды третьеклассник Дима увидел на футбольном поле старшеклассника, пинающего мяч. Бросился к нему, хотел вдвоём попинать. А тот оттолкнул его со злостью и сказал: «Гадина, не лезь...».

Диму это так потрясло, что слово «гадина» его будто загипнотизировало. Он и давай писать его повсюду: в тетрадке, в учебнике, на школьной доске, на стенках, на дверях. Его и уборщица ругала, и другие учителя.

Пробовали и запрещать, и убеждать. Но сколько ему замечаний ни делали, ничего не помогало. Он и под нос это слово себе распевал. Сидел на уроке и пел свою бесконечную песню: «Га-ди-на, га-ди-на...».

«Как же сбить его с этого припева?» – думаю. Взяла и напи-

сала ему в тетради такое индивидуальное домашнее задание: «Составь предложение со словом година». На следующий день получаю тетрадочку, а в ней вижу: «В тяжёлую годину жила-была гадина».

И после этого Дима почему-то совсем потерял к этому ругательству. То ли впечатление стерлось? То ли превратившись в домашнее задание, слово «гадина» утратило всякую привлекательность? То ли «година» переключила его внимание? Кто знает...

